

«ИМЕННЫЕ» ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

(О книге: Петрова, Г. В. А. А. Фет и русские поэты конца XIX – первой трети XX веков: монография / Г. В. Петрова. – СПб.: Астерион, 2010. – 196 с.)

Н. В. Налегач

THE “NAME” TRADITIONS IN RUSSIAN POETRY OF THE XX CENTURY

(About the book: Petrova, G. V. A. A. Fet and Russian poets of the end of the XIX – the first third of the XX century: monograf / G. V. Petrova. – St. Petersburg: Asterion, 2010. – 196 p.)

N. V. Nalegach

В свете историко-литературного подхода перед современным литературоведением встала задача, связанная с осмыслением сути и закономерностей литературного процесса XX столетия. Одной из важных особенностей литературы в XX веке стало осознанное развитие «именных» традиций в творчестве художников слова, что, по сути, является разновидностью метатекстовых структур, наряду с коллективно создаваемыми «петербургским», «московским», «венецианским» и т. п. свертками русской литературы.

Ответ на вопрос о том, почему именно в литературе XX века так остро стала ощущаться потребность в неких культурно-литературных текстовых межавторских единствах, постепенно прорисовывается, но еще далек от состояния удовлетворительной освещенности в современной науке. Чтобы дать убедительный ответ на этот вопрос, необходимо тщательно исследовать продолженные из предыдущих периодов развития и сформировавшиеся в русской литературе XX столетия традиции и линии поэтических диалогов. В этом плане исследование фетовской традиции в русской поэзии первой трети XX века, предпринятое Г. В. Петровой, представляется актуальным и способствующим решению задач, вставших перед современной наукой об истории литературы.

Представленная в монографии научная концепция в полной мере освещает процесс формирования фетовской традиции в русской поэзии на рубеже XIX – XX веков, а также раскрывает разные векторы в развитии творческого диалога поэтов первой трети XX столетия с лирикой А. А. Фета. Композиционная логика способствует концептуальному изложению рассмотренной научной проблемы. Так, во введении в качестве тезисов, которые получают развитие в трех главах книги, выступают определения тех элементов фетовской художественной системы, которые оказались воспринятыми в обозначенный период развития русской поэзии. Среди них – концепция «душевного человека» как сверхиндивидуальной целостности и право художника на преодоление в своем творчестве «недовольности» современного мира и человека.

Первая глава, состоящая из четырех параграфов, посвящена тщательному исследованию процесса формирования читательского интереса к поэзии А. А. Фета в связи с публикацией выпусков «Вечерних огней» и первых посмертных собраний его со-

чинений. Анализ критических отзывов на эти издания, писем современников, в которых содержится их отношение и оценка поэзии А. Фета, а также творческих отношений А. Фета и В. Соловьева позволяет Г. В. Петровой обоснованно определить характер этого восприятия как направленного на формирование культа А. Фета и его лирики в русской культуре рубежа XIX – XX веков.

В первом параграфе этой главы содержится история критического восприятия «Вечерних огней», поскольку именно их выход, по справедливому мнению автора монографии, и привел к формированию поэтической «школы Фета». Основная часть этого параграфа закономерно посвящена подробному рассмотрению непростых литературно-критических отношений А. А. Фета и В. П. Буренина. Изменение смысла и пафоса литературно-критических высказываний В. П. Буренина об А. А. Фете становится своеобразным зеркалом изменений типичной оценки русским обществом лирики поэта. В этом смысле позиция Н. Н. Страхова, А. А. Голенищева-Кутузова и некоторых других, всегда высоко ценивших его поэзию, отражает на момент написания их статей и отзывов, скорее, индивидуальное восприятие и какое-то время находит поддержку лишь в узком кругу единомышленников.

Второму этапу формирования поэтической школы и культа А. Фета, который выделила Г. В. Петрова, соответствует второй параграф главы. В нем содержится анализ поэтических, некрологических и критических текстов, вызванных смертью А. А. Фета и, по сути, создавших вокруг него смысловой ореол «идеального поэта». Развернувшаяся в 1890-е годы вокруг этого идеализированного образа А. Фета полемика удачно рассмотрена в монографии как столкновение двух противоположных ценностных установок, что способствовало кристаллизации эстетических вкусов и представлений «нового искусства» в русской литературе этого периода.

В третьем параграфе главы Г. В. Петрова рассматривает историю и принципы издания собрания стихотворений А. А. Фета, подготовленного К. Р. и Н. Н. Страховыми, а затем Б. В. Никольским. Автор монографии видит роль этих изданий не только в сохранении интереса к творчеству поэта, но также выявляет их значимость в создании культурно-поэтического мифа об А. Фете. В свете этого закономерен анализ философско-эстетического диалога А. Фета и В. Соловьева, содержащийся в заключи-

тельном параграфе главы. В монографии убедительно показана роль мифопоэтической по своей сути интерпретации лирики А. Фета В. Соловьевым как связующего звена между «фетишизмом» конца XIX столетия и символистским прочтением А. Фета как «предтечи» нового искусства.

Учитывая важную роль философско-эстетических взглядов В. Соловьева в формировании эстетики и поэтики символизма, логично обращение исследователя во второй главе своей монографии к рассмотрению освоения фетовской традиции в творчестве символистов. Если первый параграф этой главы посвящен изучению роли А. Фета в оформлении поэтики и эстетики русского символизма в целом, то три следующих представляют собой анализ поэтического диалога с А. Фетом в поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова и А. Блока. Выбор именно этих авторов-символистов не случаен и обусловлен особенностями их поэтических систем, в которых, как это уже неоднократно было отмечено в литературоведческой науке, поэтический опыт А. Фета играл немаловажную роль.

Новизна в этой главе связана как с собственно интерпретационным аспектом работы (речь идет о предпринятом Г. В. Петровой сопоставительном анализе произведений вышеуказанных авторов), так и с концептуальными наблюдениями и выводами, касающимися сути этих диалогических линий. Так, в параграфе, посвященном К. Бальмонту, важным представляется наблюдение о том, что «И Фет, и Бальмонт по-своему приблизились к пониманию мира и человеческой души как единой энергетической системы» (с. 82), а также установление связи с этим представлением таких символических аспектов поэтики К. Бальмонта, как «внутренний слух», «осиянные слова», «четверогласие стихий», благодаря которым и реализуется один из магистральных мотивов его поэзии – слияние души поэта, человека с миром. В параграфе, посвященном В. Брюсову, последовательное рассмотрение фетовских влияний приводит к убедительному выводу о том, что ведущий пафос его творческой системы – совершенствование мира и человека, по сути, является отражением и творческим преломлением глубинно усвоенной фетовской концепции «душевного человека».

В параграфе, посвященном А. Блоку, особенный интерес представляют наблюдения Г. В. Петровой, посвященные поэтическому диалогу А. Блока с А. Фетом в зрелом творчестве поэта-символиста, особенно во втором и третьем томах его лирики. Ценным представляется концептуальный вывод о переосмыслении А. Блоком восходящей к А. Фету символистской идеи преображения мира словом, что обусловлено нарастающим интересом к истории и к проблеме взаимоотношений человека и времени. При этом исследователь убедительно показывает, что поэтический диалог А. Блока с А. Фетом, хотя и приобретает полемический характер, ставя под сомнение идеал «душевного человека» как утопически обреченный, но все же остается значимым в поле творческого самоопределения и выработки собственной эстетической позиции.

Третья глава «А. А. Фет и поэты постсимволистского поколения» обоснованно начинается с параграфа, посвященного исследованию поэтического диалога И. Анненского с А. Фетом. Включение этого параграфа в начало третьей главы, представляется логичным в связи с особой ролью, которую сыграла поэзия И. Анненского в творческом самоопределении поэтов-постсимволистов. Культ И. Анненского в читательской среде 1910 – 1920-х годов, тщательно исследованный в работах Р. Д. Тименчика, по сути, оказался «культурным зеркалом» «фетишизма», которому Г. В. Петрова посвятила первую главу своего исследования. Можно даже говорить о том, что роль поэтических открытий И. Анненского для поэтов постсимволистского поколения сходна с той ролью, которую сыграли поэтические открытия А. Фета в оформлении эстетики и поэтики символизма. Новизна и ценность этого параграфа видится в том, что исследователь четко определяет самый смысл особенности восприятия И. Анненским поэтического мира А. Фета. Несмотря на внутреннюю близость этих поэтических систем, они по самому своему духу друг другу противоположны в силу разного отношения этих поэтов к «поэтической рефлексии». Совершенно справедливо Г. В. Петрова отмечает, что «если Фет призывал освободить поэзию от «сплетни рефлексии», то для Анненского «поэтическая рефлексия» и есть главная пружина творческого процесса. Лирика «Тихих песен» предстает перед читателем как пространство постепенно разветвляющейся не просто «души автора», а «странствующей» мысли творческой личности (с. 128). Не менее ценны и другие наблюдения, демонстрирующие глубину и неоднозначность поэтического диалога И. Анненского с А. Фетом.

Концептуальный вывод из интерпретации «фетовских параллелей» в лирике И. Анненского о значимости творчества А. Фета «...как важного этапа в становлении поэзии, способной «не расширять личность» и преображать ее, а «усовершенствовать тип человека» (с. 140), а также выражение сходной мысли И. Анненским в докладе «Поэтические формы современной чувствительности», обращенном к молодым поэтам, предопределяет логику следующих трех параграфов этой главы. Они посвящены преломлению фетовской традиции в поэзии О. Мандельштама, А. Ахматовой и Б. Пастернака. Важным здесь представляется наблюдение о том, что для всех этих обращений характерно общее свойство – восприятие фетовской традиции как органической части большой традиции русской классической литературы XIX века.

Так, в творческой эволюции О. Мандельштама немаловажную роль, с точки зрения исследователя, сыграет ориентация на А. Фета в кристаллизации идеи жертвенного подвига поэта, призванного преодолеть культурно-историческую катастрофу XX столетия, склеить «двух столетий позвонки». Сопоставительный анализ целого ряда стихотворений А. Фета и А. Ахматовой обнаруживает глубинные переклички на уровне развития тематики смерти и любви в творчестве обоих поэтов, что

позволяет исследовательнице выявить феномен ахматовской мифологизации «несимпатии» к лирике А. Фета. Несмотря на то, что А. Фет так и не станет «близким» поэтом А. Ахматовой, она, как это убедительно доказывает Г. В. Петрова, все же учитывает его опыт соединения классицистической сюжетно-тематической модели с фольклорной формульностью в достижении высокой степени типизации лирического переживания, а также обращается к его концепции «душевного человека» в развитии любовной лирики зрелого периода творчества.

Наиболее глубоко в поколении постсимволистов фетовская традиция усвоена и продолжена Б. Пастернаком, что обусловлено, по справедливому мнению исследователя, общим для обоих поэтов представлением о противопоставленности сфер Лирики и Истории. Предпринятое Г. В. Петровой рассмотрение стихотворений Б. Пастернака в сопоставлении с фетовскими позволяет выявить определенную эволюцию в приобщении поэта XX века к обозначенной линии русской поэтической традиции. Так, в книге «Сестра моя – жизнь» обнаруживается единство пафоса обоих поэтов, предопределенное их взглядом на человека как органическую часть мироздания, что и обуславливает образные, мотивные и тематические переключки между обеими лирическими системами. Во «Втором рождении» поэтиче-

ский диалог с А. Фетом приобретает проблемный характер, связанный с решением Б. Пастернаком творческой задачи – «...провести фетовскую и символистскую онтологию и органику сквозь исторические противоречия своего века» (с. 185). В итоговой же книге поэта «Когда разгуляется», согласно наблюдениям исследователя, и происходит «...сопряжение «памяти сердца» с эпохой» (с. 195). В этом свете, обоснованным и интересным представляется вывод Г. В. Петровой о том, что именно в творчестве Б. Пастернака в первой половине XX столетия происходит «второе рождение», творческое обновление восходящей к поэзии А. Фета традиции. Итоговое суждение о поэзии Б. Пастернака оказывается органичным завершением изучения различных форм проявления и развития фетовской традиции в русской поэзии конца XIX – первой трети XX веков.

Таким образом, представленное Г. В. Петровой монографическое исследование поэтического диалога русских поэтов рубежа XIX – XX веков с поэтической системой А. Фета обладает несомненной научной новизной и ценностью и представляет интерес для филологов-специалистов в области русской поэзии, а также для студентов, магистрантов и аспирантов филологических факультетов.